

Николаев Юрий
Александрович

12.99
(зел.)

20 мужские игры

КЛИЕНТ ВСЕГДА ПРАВ, 1999, №49

-Ю

Юрий Александрович, правда ли, что на вопрос о молодости и творческом долголетии вы отвечаете с поистине революционной прямой: «Главное – вовремя проспиртоваться!»?

– Это случайно оброненная фраза. Ведь одно время журналисты просто достали! Все интервью со мной начинались с обсуждения моего белого «Мерседеса», что действительно по тем временам было круто. И, конечно, все вспоминали случай двадцатилетней давности – впервые в истории советского телевидения мое появление в прайм-тайм, в пятницу, перед трансляцией очередного матча чемпионата мира по футболу на экране в... нетрезвом состоянии.

– А какие, если не секрет, жизненные обстоятельства сподвигали вас время от времени спиртоваться?

– К этому располагала сама атмосфера. Стоило зайти в любой ресторан, в любую компанию, как начиналось: «Юра, давай выпьем!» Для меня это стало болезнью. Жена отмывала, отпаивала, доставала липовые бюллетени... А что творил я? Идет, скажем, съемка, собирается массовка, полтысячи человек ждут тебя. А я в Сочи улетаю... В конце концов я стал перед выбором: спиваюсь под забором или чего-то достигаю в жизни. Выбрал второе. И стал пробовать всякие способы лечения, вплоть до специализированных клиник. Не помогало. И тогда я сказал себе: «Я не умею пить. Да, я алкоголик и не стесняюсь этого. Но я же не расстраиваюсь оттого, что не умею писать хорошую музыку? Почему я должен переживать, что не умею пить?!» Вот так я переключил мозги и в 1983 году «завязал». В своем кругу я стал первым, кто отрезвился от этой злой привычки. Первые полтора года прошли, что и говорить, болезненно. Потом все вошло в норму.

– Кстати, о самолетах. Вы, кажется, неплохо их водите?

– Я состою в одном очень уважаемом авиаклубе. Виду моей занятости за штурвалом удается посидеть не часто, поэтому приходится все время проходить переподготовку. Клуб дорожит своей репутацией и своими членами, поэтому исключений ни для кого не делает.

– То есть при такой подготовке вы или Якубович легко можете вести пассажирский самолет?

– Леняка по сравнению со мной шагнул далеко. Уровни у нас уже несравнимы, хотя именно я привел его в авиаклуб. Но мы оба – фанаты «самолетовождения». Каждый полет Леня заканчивает идеей, например перелететь полюс или податься в Африку.

– А вы-то, говорят, в тайгу собираетесь – на медведя. Кто составит вам компанию?

– Из известных вам, пожалуй, только Никита Михалков. Леонид Якубович и Ярмольник в основном по части бильярда, так же как Андрей Макаревич и Валера Сюткин. В теннис играю с Максимом Дунаевским, Колей Караченцовым...

– Зверье истреблять не жалко?

– Вы ничего не понимаете. Охота – это не беспредельная стрельба в кого хочешь. Есть законы леса, они оправданы природными явлениями. Весной, например, открыта на селезня охота. Ведь в это время у селезней с утками заканчивается период любви. Утка отправляется в гнездо высидывать яйца, а селезень как мужик все еще хочет получить наслаждение и сгоняет уток с гнезд, мешая тем самым высидывать утят. Вот почему разрешен отстрел селезня, и позор мне, если я вдруг в это время убью утку. Притом селезней подстрелить я могу не больше определенного лицензией количества. И так в каждой охоте: на кабана, свинью. Если я убиваю свинью...

– Настоящую свинью?

– Наверное, не последнюю роль в том, чтобы прийти «в норму», сыграли ваши регулярные обливания холодной водой?

– Мне это помогает по жизни. Просто я стараюсь делать то, от чего получаю удовольствие. Станешь босыми ногами на сыру землю, ливанешь на себя ведро холодной воды – и испытываешь ни с чем не сравнимое наслаждение. И мышцы, и то, что можно назвать моими мозгами, расслабляются полностью. В этот процесс я вошел настолько, что в нем уже есть потребность. Просыпаюсь утром и думаю: сейчас обольюсь, выпью традиционную чашку кофе, сигарету выкурю... Кстати, тот же теннис, который я обожаю, охота – это образ жизни, а не тяга к чему-то модному. Такой мой мирок.

– Открывая первому встречному свой мирок, показаться пижонем не боитесь?

– Да, я люблю правильность жизни. Люблю дорогие вещи. Для мужчин не так уж много игрушек. Мне нравится хорошо сшитый костюм, в котором я себя ловко чувствую, нравятся дорогие магазины, в которых мне с уважением что-то предлагают. Пижонству? Может быть... Но это я делаю не для других, а для себя...

– Правда ли, что вы курите даже в самолете?

– Да, а что здесь такого? Наш Аэрофлот относится ко мне с пониманием. А на зарубежных авиалиниях я покупаю билеты только на те рейсы, где курение не возбраняется. Кстати, бросать курить я ни разу не пробовал, поскольку курю с удовольствием, часто и с наслаждением. Если три пачки сигарет, захваченные из дому, в течение дня иссякают, прошу кого-нибудь из сотрудников пополнить запасы, иначе начинаю чувствовать себя плохо.

Фото Татьяны Камышевой

Юрий Николаев:

«ВОТ
ОТ ЧЕГО
Я ЛОВЛЮ
КАИФ!»

Богдан
ЖЕЛТОБРЮХ

– Зря смеешься: есть свинья, то есть мать, есть кабан, он же секач – папа, есть их выводок. Если я убиваю мать, то бишь свинью на нормальном охотничьем языке, значит, я всех ее детенышей в количестве 12 поросят обрекаю на смерть. Это чистейшее убийство, и это наказуемо. Поросята могут убить только того, которому исполнился год. Так что охоту не дураки и не садисты придумали. Охота происходит не ради убийства, а чтобы привезти домой и разделить с товарищами тушу поросенка...

– То есть у вас дичь и секач в меню?

– Нет, секач невкусный, хотя и матерый. У него мясо жесткое... Волка я однажды убил, но с тех пор больше на него не охотюсь. Он вызывает во мне уважение. Мудрое животное, самостоятельное, гордое. Мне даже шкуру из него сделали, но я ее никуда не вешал. Лежит себе, если коллекционер какой-то объявится среди знакомых – лучше ему подарю.

– Наверное, этот волк чем-то напомнил вам вашу Дашу?

– Точно.

– Кто же у вас с ней гуляет при вашей занятости?

– Никто, ведь моя Даша живет настоящей собачьей жизнью. Она не знает, что такое дом, паркет. Гуляет на участке, у нее есть свой вольер, куда она может заходить и выходить, когда вздумается. Правда, если гости приезжают, я ей говорю: «Даша, место». Она послушно уходит в вольер, и я ее закрываю на замок. Но это ее вряд ли ущемляет.

– Собачка ваша крупненькая?

– Огромная! Но в общем-то не злая. Просто порода такая – она должна охранять. Ведь она азиатская овчарка – серенькая такая с черненькими веснушками. По размерам, чтоб вы представили, она с московскую сторожевую, ньюфаундленда, купированный хвост, уши... Она знает наш участок, но то, что внутри, ее не волнует. В наше жилище она ни разу не заходила, хотя я ее звал. Всегда ждет меня за порогом. Говорят, что мы с Дашей очень похожи – взглядом, повадками. Но я не такой мощный, как она. Дашка намного меня превосходит, хотя весим примерно одинаково.

– С Дашкой разобрались. А почему Елену, супругу свою, вы ото всех прячете?

– Ничего подобного! Елена работает со мной, занимается финансовыми вопросами нашей телекомпании, ведь она – дипломированный экономист. Я благодарен ей, что она избавила меня от созерцания всех этих платежных документов. Ведь финансовые хитросплетения нашей жизни для меня непонятны и неприятны одновременно. Мысли о деньгах мешают творчеству.

– Правда ли, что женились вы по расчету, как только узнали, что девушка оканчивает финансово-экономический институт, да еще с «красным» дипломом?

– Ха-ха. Лялю я увидел еще школьницей, точнее сказать пионеркой, лет 11. Вместе с ее братом я учился в ГИТИСе и бывал у него в гостях. С Леной мы влюбились друг в друга, когда она действительно была уже взрослой и серьезной девушкой, студенткой экономического факультета. Инициатором брака была, кстати, Лена.

– А подарки жене любите делать?

– Да, как и любой мужчина. Но я люблю подарки необычные. Например, с моей помощью супруга стала на горные лыжи. И два-три раза в год мы выезжаем куда-нибудь покататься. Я люблю делать сюрпризы, а не просто подарки.

– Приезды девушек с вещами к вам домой супруга тоже воспринимала как «сюрпризы»?

– Это были и для меня сюрпризы. И Ляля относилась с пониманием – не я же их приглашал, в конце концов.

– А вы над людьми шутите?

– Ежеминутно. Идет, например, концерт в престижном зале, а программка есть только у меня. Вот артисты меня и разрывают на части: всем нужно по несколько раз спросить, каким же номером он выступает. И когда меня стал «помогать» Миша Задорнов, я, заглянув для понта дела в список, сказал ему: «Задорнов выступает в антракте, в фойе!» Лицо Михаила вытянулось: как же так, его же фактически массовиком-затейником поставили. Когда же он понял, что я пошутил, то признался, что я очень органично исполнил ситуацию...

– Говорят, вы мастер розыгрышей по мобильным телефонам?

– Эти «игрушки» я называю тетрисом. Например, Леняка Ярмольник живет на даче. Я прошу объяснить, как к нему проехать. И Леняка начинает: «Сколько раз ты уже был у меня, что это за топографический кретинизм!» Я же в это время как раз паркуюсь у его дома, поднимаюсь по лестнице, появляюсь в дверях и говорю ему: «Выступление закончено!»